

Марина ТОКАРЕВА

НА ЧТО СПОСОБНА ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

ПРЕМЬЕРА ДМИТРИЯ КРЫМОВА ЕЩЕ РАЗ ОТКРЫЛА АЛЕКСАНДРА ОСТРОВСКОГО

Вообразите: о любви. Той, что «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит». И о корысти – той, что пропитан воздух русского общества, в наши дни – еще пуще времен Островского.

Театр, всегда чаемый и всегда неожиданный, явился в спектакле Дмитрия Крымова «О-й. Поздняя любовь».

Пьеса не из самых постановочных у Островского. Не сравнить ее с «Грозой» или «Бесприданницей»; потому и взята. Людмила, дочь адвоката Маргаритова, старая, по меркам XIX века, девушка влюбляется в неподходящего человека – гуляку, неудачника. И предает отца: отдает возлюбленному ценную бумагу, заемное письмо. Автору важен не сюжет, а мораль, ее в избытке.

Крымов здесь в большей степени постановщик, чем сценограф – и его лаборатория от этого лишь выигрывает. Оказывается, Александр Николаевич, драматург великой добротности характеров и основательности суждений, принимает и жадно впитывает все, что помогает сегодня строить его типажи в 3D-вневременности. Спектакль черно-белый, прием универсален: пытки электрошоком соседствуют с трепетом чувств, драки-побоища – с правилами чести; мужчины, исполняющие женские роли, с женщинами, исполнителями мужских; а хоралы Моцарта – с яростной алчностью иных персонажей. Сцена, как современность, трещит от несовместимых обстоятельств, а в результате рождается цельное талантливое действо.

Легкость, с которой режиссер побеждает тяжеловесную назидательность драматургической «базы», вырастает из его иронической фантазии. Прописные истины от отца записаны на магнитофон; дочка обязана их слушать, как уроки. Все тревоги и страхи родителя, вся его

жизненная наука льется из аппарата, такая попытка воспитанием, как ни заливайся слезами, сделать тише нельзя. И – при всей унылой верности произносимого – это очень смешно.

Крымов нашел тут звук человеческого страдания, которое невозможно передать только словами. Так Маргаритов расскажет о своем крушении: по стене пойдет текст, а сам он, горестно скулит, отчаянно рыдая, захлебываясь, изложит свою историю. Обманутый стряпчий у Алины Ходжевановой похож на бесполою «училку» – дрожащие седые кудельки, потерянные глаза, толстые линзы очков. И так же, одним звуком, позже расскажет его дочь о своих чувствах. И резким звуком – жестяной, жесткой заплачкой, напоминающей и о пьесе «Гроза», где жене полагается в разлуке день «кричать по мужу», и о страшных сказках Афанасьева, открывается спектакль.

Евгений Каменькович и Дмитрий Крымов студентов выучили отлично. Четверокурсники ГИТИСа работают, прямо скажем, лихо. Каждая роль – радужная чешуйка реликтовой царь-рыбы под названием «Мир Островского». Фелицата Шаблова, хозяйка дома, где разворачиваются

М. Смольникова – Людмила.
«О-й. Поздняя любовь».
«Школа Драматического искусства».
Фото Н. Чабан

события (Евгений Старцев) – женщина, суровая, обильная телом, в миг разденется до белья (чтоб показать – денег нет!), сделает сальто через голову, станет лупить в футбол и нарезать рэп со своим полоумным младшеньким – и все это будет кстати, к Островскому, к его смыслу. И влюбленный без надежды Дормедонт (Андрей Михалев), злорадный, длинный, как верста, словно судорогой сведенный, несчастная раненая птица. И похожий на Гоголя искуситель Дороднов (Вероника Тимофеева). И расчетливая вдова Лебекина (Константин Муханов), азартно трансформирующаяся из роскошной дамы в хищника-трансвестита. И конечно, старший сын Шабловой Николай (Александр Кузнецов) с чертами Пьеро и неуловимой метой «лишнего человека». В него-то Людмила и влюблена насмерть.

Актрисы, исполняющие мужские роли, актеры, играющие женщин, стали штампованным приемом современной сцены, но не часто перевертыши убеждают со столь исчерпывающей образной логикой, как здесь. Мужчины, играющие женщин, вносят в роли угрюмую или азартную силу, а женщины, играющие мужчин, дают своим персонажам вкрадчивую изощренность и трепетную ранимость. В сущности, собой – мужчиной и женщиной – остаются только герой с героиней, да еще бедняга Дормедонт.

Что тут собственно происходит? В сущности – главное событие спектакля, до последнего стежка продуманного и выверенного режиссером, на мой взгляд, рождение новой героини. Со своей интонацией и философией.

Она – почти клоунесса, подлинник чувства и формы. Единственная не студентка в ансамбле, актриса Мария Смольникова. Облик своей Людмилы, рассказал режиссер, придумала сама: хрупкая фигурка в платье чужого размера, с черными гусеницами бровей и преувеличенно-толстой косой. Шлет ли она деньги проигравшемуся Николаю, качает ли его, похмельного, на груди, с гневным смирением открывает ему свою любовь, тихо просит «как-то определиться», эта неуклюжая, косноязычная дурнушка пленяет зал. Трогательная и негибкая, беззащитная и бесшабашная Людмила Смольниковой – живая иллюстрация знаменитой формулы красоты Заболоцкого: но ее огонь

не мерцает «в сосуде», а факелом рвется на ветру событий, подгоняя их и выстраивая. Она сама признается в любви, бунтарски закурит, сложит в узел свои манатки для побега. Она спрячет револьвер Николая в ящик с лифчиками-пantalонами, будет кротко слушать, станет спасать и отдаст последнее. Замечательна скорость ее мысли, опережающая все линейные реакции окружающих: на известие о том, что Николай проигрался и ему срочно нужны деньги, она реагирует быстрее, чем его угрюмая мамаша. Молниеносная готовность самопожертвования – не укоряющая, а нежная и веселая – составляет часть ее обаяния. Она, что называется, верный человек, слишком верный, чтобы шатающийся во всех своих основах герой мог это вынести. Однако и его, жгущего скучную жизнь со всех концов, пронимает ее радостная неуступчивость, ее безоглядная пристрастность. И его схватка с бывшей страстью, алчной вдовой – бешеное побоище – срывающее юбки, маски и инстинкты, происходит не за закладную бумагу – за эту жертвенную ничем не заслуженную любовь. За эту голую душу, не стесняющуюся открывать себя.

Ближе к финалу Николай, наконец, выведет из строя противный магнитофон, они вместе займутся поломкой, передавая друг другу сигаретку: под высвист оборванных фраз он выдернет узкую ленточку пленки и положит в ее ладонь; в этот миг она станет свободной.

Крымов следует одновременно за опытом своего времени и опытом автора. Крепкий психологизм Островского сдвигает к карнавалу, патетику к гротеску, серьезность быта к комической условности – и парадокс: возникает Островский, агрессивно современный. Внутри спектакля – редкость по нынешним временам – ощутимо движение жизни, ее игра и тайна.

...Поздняя любовь способна на все. Но потому и поздняя, что – поздно. В финале герои, как дети, поднимаются на стулья: все невзгоды позади! Сияющая Людмила грезит о будущем, Николай в бок, медленно, неловко упирает пистолет. Она выкрикивает космосу свой план счастья, а на его рубашке расплывается кровавое пятно...